

Виктор Лаврентьевич Ларин¹ (victorlar@mail.ru)

Лилия Львовна Ларина¹ (lilylar25@mail.ru)

ВОСПРИЯТИЕ МИГРАНТОВ ИЗ ВОСТОЧНОЙ АЗИИ ЖИТЕЛЯМИ ТИХООКЕАНСКОЙ РОССИИ (ПО ИТОГАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ОПРОСОВ 2017 И 2019 ГГ.)²

Статья написана на основе социологических исследований, проведённых в 2017 и 2019 гг. в крупных городах и нескольких малых населённых пунктах Дальневосточного федерального округа, и нацелена на выявление восприятия жителями региона соседних народов — китайцев, японцев и корейцев. Авторы анализируют отношение респондентов к присутствию в России различных категорий жителей стран Тихоокеанской Азии, к межнациональным бракам, их представления о типологических чертах китайцев, японцев и корейцев, специфике восприятия мигрантов по городам и посёлкам региона. Оценивая отношение населения Тихоокеанской России к китайской миграции, авторы отмечают рост его позитивного настроения в отношении китайцев, более толерантное восприятие миграции на приграничных с Китаем, чем на отдалённых от него, территориях, хотя при этом фиксируют наличие небольшой, но устойчивой группы китаефобов в общей массе населения региона.

Ключевые слова: зарубежная миграция, Тихоокеанская Россия, Восточная Азия, этнокультурное взаимодействие.

Viktor L. Larin¹ (victorlar@mail.ru)

Liliya L. Larina¹ (lilylar25@mail.ru)

HOW THE CITIZENS OF PACIFIC RUSSIA VIEW THE MIGRANTS FROM EAST ASIAN COUNTRIES (ON THE BASE OF PUBLIC OPINION SURVEYS OF 2017 AND 2019)

The article is based on the materials of public opinion surveys conducted in 2017 and 2019 in the main cities and some localities of Far East Federal District and aimed to study the views of Pacific Russia residents on the neighboring peoples — the Chinese, Japanese, and Koreans. The authors analyze the respondents'

¹ Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток, Россия.
Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia.

² Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ № 18-509-51001\18 «„Малая Восточная Азия“ на Дальнем Востоке России: исторический опыт и современные проблемы этнокультурного сосуществования россиян и мигрантов из Восточной Азии».

attitude to the presence in Russia of various categories of residents of Pacific Asia the countries, their perception of interethnic marriages, their ideas about the typological features of the Chinese, Japanese and Koreans, as well as the specifics of migrants' perception in various cities and towns of the region. Assessing the respondents' perception of Chinese migration, the authors note an increase the local residents' positive attitude towards the Chinese, a more tolerant attitude towards Chinese migrants demonstrated by the Russian living on the territories bordering China in comparing with people from the territories remote from it. At the same time, they record the existence of a small but stable China-phobic group of population in the region.

Keywords: foreign migration, Pacific Russia, East Asia, ethno-cultural communication.

ВВЕДЕНИЕ

Первую попытку осветить данную тему и оценить современное восприятие мигрантов из Восточной Азии жителями Тихоокеанской России авторы предприняли в 2018 г., отталкиваясь от результатов небольшого по объёму, но акцентированного опроса, проведённого во Владивостоке, Хабаровске и Южно-Сахалинске [10]. Тогда был сделан вывод, что жители этих городов по-прежнему слабо предрасположены к принятию мигрантов из соседних стран Восточной Азии и тесному с ними взаимодействию.

Проверить данные умозаключения позволяют результаты более широкого исследования, посвящённого Китаю и в том числе китайскому присутствию в России. Оно проводилось в 2017 и 2019 гг. и охватило большую часть территории Дальневосточного федерального округа, за исключением Якутии и Чукотки. Опрос преимущественно проводился в крупных городах региона, но захватил и несколько приграничных населённых пунктов Приморского края (г. Дальнереченск, пос. Пограничный и Краскино), для которых Китай и китайцы уже давно стали фактором повседневности.

В анкете, по которой работали эксперты, содержались вопросы, касающиеся не только Китая и китайцев, но и других стран и народов Восточной Азии — Японии, Республики Корея и КНДР. Результаты опроса 2017 г., проводившегося в Приморском и Хабаровском краях, в Магадане, на Сахалине (гг. Южно-Сахалинск и Корсаков) и на Камчатке (гг. Петропавловск-Камчатский и Елизово), частично опубликованы [9]. В 2019 г. исследование велось уже в широтном направлении, вдоль линии российско-китайской границы во Владивостоке, Дальнереченске, Хабаровске, Благовещенске, Биробиджане, Чите и Улан-Удэ. В общей сложности этими двумя исследованиями было охвачено более 2 тыс. жителей очень разных — и в экономическом, и в социокультурном аспекте — территорий Тихоокеанской России. Кроме того, вопросы об отношении к мигрантам были запрятаны среди иных тем, касающихся политики, экономики, международных связей, что позволяет делать более обобщённые оценки и выводы.

Тема внешней, прежде всего китайской, миграции в России и особенно в её восточных районах была очень популярна среди отечественных и зарубежных исследователей в 1990-е — начале 2000-х гг. Активно изучали отношение россиян к государствам и народам Восточной Азии, в первую очередь к КНР и китайцам, как в масштабе России [1; 2; 7; 8], так и на примере Сибири и Дальнего Востока [4; 11; 13; 16; 17; 18]. Однако сегодня эта проблема практически исчезла из повестки научных исследований. Причиной тому стала её политическая и научная неактуальность. Российское направление перестало быть приоритетным для китайских мигрантов и продолжает терять свою привлекательность. Это выразилось в оттоке китайских трудовых ресурсов из России, прежде всего, в связи со значительным отрывом российского ВВП на душу населения по ППС от соответствующих показателей развитых стран, а также ростом благосостояния населения в КНР [5]. Более того, меняется роль китайских мигрантов на российском рынке труда: из положения наёмных рабочих они переходят в категорию работодателей для российских граждан [12, с. 274].

Но само присутствие жителей Восточной Азии в восточных районах России в последние годы существенно увеличилось, в первую очередь за счёт резкого усиления притока туда туристов из Китая и Южной Кореи. В 2018 г. регион посетили 980 тыс. иностранцев. Только в Приморском крае побывали 365 тыс. китайских и 220 тыс. южнокорейских туристов (при его населении менее 2 млн чел.). В Амурскую область приезжала 101 тыс. китайцев (население 793 тыс. чел.), а в Забайкалье — 45 тыс. (1,1 млн жителей) [6].

Далеко не всегда жители региона могут отличить туристов от мигрантов. Мнение о первых автоматически экстраполируется на вторых, и наоборот. В результате, несмотря на то, что массового оседания и натурализации китайских мигрантов в восточных районах России не наблюдается, «отсутствие внятной политики центра в отношении Дальнего Востока России, а также сохранение угрожающих тенденций депопуляции региона способствуют тому, что в общественном сознании актуальными остаются мифы о полном доминировании Китая на его территории» [3, с. 276]. Тема внешней миграции по-прежнему имеет не только социально-экономическое, но и геополитическое звучание. По этой причине мы начнём анализ с оценки восприятия дальневосточниками внешней миграции как политического фактора.

ВОСПРИЯТИЕ ЗАРУБЕЖНОЙ МИГРАЦИИ

В 90-е гг. XX — начале XXI в. жители региона считали зарубежную миграцию одной из главных угроз безопасности России на Тихом океане. К примеру, в ходе опроса 2010 г. половина (51%) респондентов назвали таковой «увеличение численности мигрантов из соседних государств». В перечне угроз зарубежная миграция оказалась на втором месте после

«роста экономической и военной мощи Китая». В Приморском крае эта «угроза» вообще доминировала (56% опрошенных), в Биробиджане стояла на втором месте (54%), а в Хабаровске и Магадане — на третьем (48 и 56% соответственно) [11, с. 80—81]. Но уже к концу этого десятилетия ситуация существенно изменилась. В опасность от роста зарубежной миграции верит вдвое меньшее число жителей региона: 24% вдоль тихоокеанского побережья (опрос 2017 г.) и 25% по линии российско-китайской границы (опрос 2019 г.). Ещё меньше доля населения (17 и 21% соответственно), которая считает угрозой рост экономической и военной мощи КНР. Политика США и «недостаточный учёт интересов Дальнего Востока федеральной властью» кажутся жителям региона куда более серьёзной проблемой, чем Китай и его политика.

В настоящее время «рост числа иностранных мигрантов из соседних государств», который ассоциируется прежде всего с Китаем (но не ограничивается им), считают угрозой более всего в Биробиджане (36% респондентов), а в наименьшей степени — в пос. Пограничный и Краскино (13%), в Чите и Владивостоке (17 и 19%). Причём ни в одной из точек опроса эта проблема не поднялась выше третьей позиции в перечне реальных и потенциальных угроз безопасности России (табл. 1).

Таблица 1

Зарубежная миграция как угроза безопасности России на Тихом океане (2017, 2019 гг., в % от числа опрошенных по территориям ДВФО)

Территория	Доля респондентов, считающих рост числа мигрантов из соседних государств угрозой безопасности России на Тихом океане	Место в рейтинге угроз
Пограничный, Краскино (2017)	13	7
Чита (2019)	17	7
Владивосток (2017/2019)	22/19	6/6
Улан-Удэ (2019)	24	4/5
Дальнереченск (2019)	25	5
Магадан (2017)	30	4
Благовещенск (2019)	30	3
Хабаровск (2019)	31	3
Камчатка (2017)	31	4
Сахалин (2017)	32	3
Биробиджан (2019)	36	3

Становится очевидным, что, рассуждая об угрозе зарубежной миграции, дальневосточники думают не только о Китае. Этот вывод подтверждается ответами на прямой вопрос анкеты о «демографической экспансии Китая» в России. Оказывается, что жителей региона, которые верят в существование данного фактора китайской политики, во всех точках опроса меньше, чем тех, кто просто опасается зарубежной миграции.

Любопытно также и другое. Во-первых, среди тех, кто верит в существование «экспансии Китая на Дальнем Востоке», как демографическую расценивают её от четверти до половины респондентов. Во-вторых, более всего в наличие «китайской демографической экспансии» верят на Камчатке и в Магадане, далёких от КНР, а менее всего — в небольших по численности населения и пограничных с Китаем точках — в Биробиджане и Дальнереченске, а также пос. Краскино и Пограничный (табл. 2).

Таблица 2

**Отношение к «демографической экспансии со стороны Китая»
(2017, 2019 гг., в % от числа опрошенных)**

Территория	Согласны с тезисом о современной экспансии Китая на Дальнем Востоке	Оценивают «экспансию Китая» как демографическую
Биробиджан (2019)	23	9
Дальнереченск (2019)	43	11
Пограничный, Краскино (2017)	41	12
Улан-Удэ (2019)	39	13
Владивосток (2017/2019)	30/33	14/13
Сахалин (2017)	31	14
Чита (2019)	40	15
Хабаровск (2019)	39	17
Благовещенск (2019)	40	21
Магадан (2017)	47	25
Камчатка (2017)	46	26

Результаты исследований также убедительно свидетельствуют, что жители Тихоокеанской России неодинаково воспринимают присутствие на территории региона разных групп восточноазиатов. Это хорошо видно на примере их отношения к китайским туристам, студентам, предпринимателям, рабочим и торговцам. Во-первых, на приграничных с Китаем территориях наблюдается несколько более настороженное отношение к пребыванию китайцев в России, чем на притихоокеанских. Во-вторых, с наибольшими опасениями респонденты воспринимают присутствие китайских предпринимателей и рабочих, в которых видят конкурентов на рынке труда и капиталов. В-третьих, опросы выявили наличие в регионе небольшой группы китаефобов, которые вообще не желают видеть китайцев на российской территории (рис. 1).

Каких-то различий в отношении к разным группам китайцев в России со стороны разных слоёв населения региона, требующих специальных комментариев, не обнаруживается. В то же время варьируется отношение к китайцам по территориям ДВФО (табл. 3). Обращает на себя внимание Дальнереченск, в котором «средний балл отрицания» китайского присутствия, в том числе туристов и студентов, оказался значительно выше, чем в остальных точках опроса. Возможно, это происходит потому, что

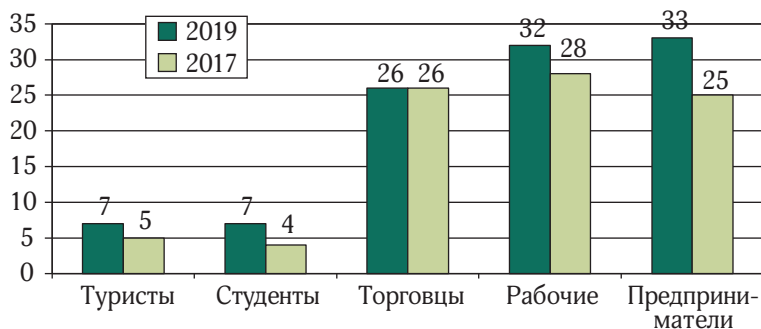

Рис. 1. Отрицательное отношение к пребыванию китайцев в России (2017 и 2019 гг., в % от числа опрошенных)

представления дальнереченцев об этих группах китайцев преимущественно абстрактны, поскольку туристов из КНР в этом городе совсем немного, а студенты отсутствуют. При этом в других городах и посёлках региона, в том числе во Владивостоке и Благовещенске, где как раз и концентрируется основной массив туристов и студентов из КНР, отношение к ним намного более толерантное.

Таблица 3

Отрицательное отношение к пребыванию китайцев в России (2017 и 2019 гг., по точкам опроса, в % от числа опрошенных)

Территория	Предприниматели	Рабочие	Торговцы	Туристы	Студенты	Средний балл отрицания
Дальнереченск (2019)	55	55	50	16	23	39,8
Улан-Удэ (2019)	34	29	30	16	9	23,6
Сахалин (2017)	29	36	32	6	7	22,0
Хабаровск (2019)	32	35	29	3	7	21,2
Биробиджан (2019)	43	33	20	6	4	21,2
Чита (2019)	34	33	28	4	6	21,0
Магадан (2017)	27	39	31	3	2	20,4
Камчатка (2017)	29	28	27	7	4	19,0
Пограничный, Краскино (2017)	26	27	26	6	4	17,8
Владивосток (2017/2019)	18/27	22/26	20/25	4/5	4/5	13,6/17,6
Благовещенск (2019)	28	33	14	3	1	15,8

МЕЖКУЛЬТУРНЫЕ КОНТАКТЫ И ИХ ПОСЛЕДСТВИЯ

Немалую роль в развитии двусторонних отношений и восприятии россиянами Китая и китайцев играют прямые контакты между жителями соседних государств, которые расширяются год от года. В ходе опросов очень небольшая доля населения региона призналась, что им никогда

не приходилось встречаться и общаться с китайцами. Даже на далёких от Китая Камчатке, Сахалине и в Магадане таковых оказалось не более 10% от общего числа респондентов, а в Приморье — всего 2%. Единственным исключением стал Улан-Удэ, где каждый пятый респондент (21%) заявил, что ему не приходилось встречаться и общаться с жителями соседней страны. Видимо, сказывается тот факт, что Бурятия всё же отрезана от Китая Забайкальским краем.

В любом случае жители ДВФО контактируют с китайцами значительно чаще, чем жители других регионов России. По данным Фонда «Общественное мнение», летом 2018 г. проводившего исследование на всей территории страны, общаться с китайцами доводилось лишь 32% опрошенных россиян. Даже в Сибирском федеральном округе эта доля составила только 42% [14].

Две трети (66%) встреч происходит на рынках и в магазинах, а четверть (26%) — на улицах в России; чуть более половины (53%) респондентов общались с китайцами во время поездок в Китай; пятая часть (22%) — по рабочим и учебным вопросам. Картина по городам региона представлена в табл. 4.

Таблица 4

**Места общения россиян с китайцами
(2017 и 2019 гг., по точкам опроса, в % от числа опрошенных)**

Территория	Во время поездок в Китай	На рынке, в магазинах в России	На улице в России	По рабочим вопросам, по учёбе	Не приходилось общаться
Пограничный, Краскино (2017)	76	60	35	21	1
Владивосток (2017/2019)	72/68	69/69	24/30	31/27	3/4
Благовещенск (2019)	59	80	33	26	2
Биробиджан (2019)	57	70	16	29	10
Хабаровск (2019)	55	70	21	22	3
Дальнереченск (2019)	50	68	16	14	9
Чита (2019)	46	61	26	22	10
Улан-Удэ (2019)	35	52	25	14	21
Сахалин (2017)	34	80	17	16	6
Камчатка (2017)	26	71	25	14	10
Магадан (2019)	25	77	29	13	6

Чаще всего жители восточных районов России, вне зависимости от территории их проживания, общаются с китайцами на рынках и в магазинах. Вторым по важности источником для составления представлений о китайцах служат для россиян собственные поездки в Китай. Естественно, возможностей для таких поездок у жителей приграничных территорий

намного больше, чем в отдалённых от КНР Магадане или Петропавловске-Камчатском. От 13% опрошенных в Магадане до 31% во Владивостоке общаются с китайцами регулярно по вопросам работы и учёбы, что означает достаточно плотный уровень взаимодействия и, соответственно, более высокий уровень взаимопознания и взаимопонимания.

Именно межличностное общение служит основой для формирования представлений жителей региона как о самих китайцах, так и о Китае. Это особенно актуально на приграничных российских территориях, где поездки в Китай и общение с китайцами играют в становлении подобных взглядов более важную роль, чем телевидение и интернет (табл. 5).

Таблица 5

**Источники формирования представлений и знаний
жителей Тихоокеанской России о Китае и китайцах
(2017, 2019 гг., в % от числа опрошенных по территориям)**

Территория	Общение с китайцами в России	Поездки в Китай	Телевидение	Интернет	Газеты
Благовещенск (2019)	48	54	31	51	7
Пограничный, Краскино (2017)	47	67	46	29	15
Биробиджан (2019)	46	52	43	34	6
Владивосток (2017/2019)	43/39	70/67	38/30	42/27	10/9
Дальнереченск (2019)	43	48	30	27	9
Магадан (2017)	41	25	51	43	10
Хабаровск (2019)	37	54	35	44	6
Чита (2019)	29	44	31	47	11
Улан-Удэ (2019)	28	29	36	52	11
Сахалин (2017)	24	32	61	45	12
Камчатка (2017)	24	26	55	42	8

И официальная статистика, и наши прежние опросы показывают, что поездки в другие страны Тихоокеанской Азии — Японию, Северную и Южную Корею — жители Тихоокеанской России совершают значительно реже. Например, из Приморского края в 2016 г. в КНР (включая Гонконг) выезжали почти 610 тыс. чел., тогда как в Южную Корею — 120 тыс. чел., а в Японию — лишь 21 тыс. чел. [15]. Результаты опроса 2016 г. во Владивостоке, Хабаровске, Благовещенске, Биробиджане и Находке показали, что если в КНР хотя бы раз в жизни побывали 71% респондентов, то в Японии и Южной Корее — по 29%, а в Северной Корее — 22% опрошенных³. Соответственно, возможностей общаться с корейцами и японцами у дальневосточников было намного меньше, чем с китайцами.

³ Текущий архив Лаборатории изучения общественного мнения ИИАЭ ДВО РАН.

Но вот является ли это общение главным источником для формирования представления жителей Дальнего Востока о типологических чертах характера китайцев, японцев и корейцев, или же здесь работают какие-то стереотипы и образы, давно утвердившиеся в общественном сознании россиян, сейчас определить невозможно.

ОБРАЗЫ, ЧУВСТВА, ЭМОЦИИ

Представления жителей Тихоокеанской России об их азиатских соседях носят преимущественно положительный характер. В этом отношении разные опросы дают очень похожие результаты. В частности, китайцев дальневосточники считают, прежде всего, *трудолюбивыми* (64% опрошенных в 2017 г. и 58% в 2019 г. наделили их этим качеством), *предприимчивыми* (52 и 43% соответственно) и *хитрыми* (39 и 43%)⁴. Японцев видят, прежде всего, *вежливыми* (62 и 51%), *трудолюбивыми* (53 и 51%) и *ответственными* (38 и 34%). Корейцев — *трудолюбивыми* (43 и 37%), *вежливыми* (28 и 27%) и *предприимчивыми* (23 и 17%). Любопытно, что 21% в 2017 г. и четверть опрошенных в 2019 г. затруднились с оценкой качеств корейцев, тогда как в отношении китайцев это не рискнули сделать 8 и 10%, а японцев — 8 и 13%. Более подробные результаты исследования 2019 г. представлены на рис. 2.

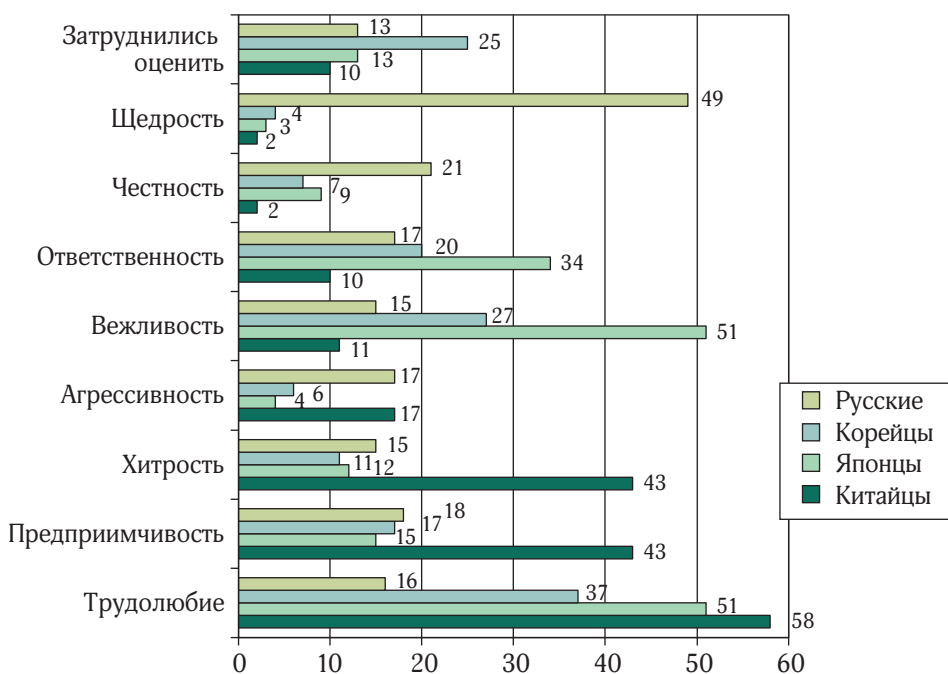

Рис. 2. Типологические черты народов Восточной Азии и русских в представлении жителей приграничных с Китаем территорий (2019 г., в % от числа опрошенных)

⁴ Эти же черты доминировали в представлениях дальневосточников о китайцах, выявленных в ходе опросов 1997—2008 гг. [см.: 11, с. 137].

Куда сложнее дело обстоит с самооценкой россиян. Самих себя они считают в первую очередь *щедрыми* (49 и 52%), а вот в выделении прочих качеств сильно расходятся во мнениях. В 2017 г. жители Камчатки и Магадана поставили на второе место предприимчивость (38 и 28% опрошенных соответственно), Сахалина — трудолюбие (28%), а Владивостока — агрессивность (24%). Хабаровчане выделили в 2019 г. агрессивность (21%), читинцы обратили внимание на вежливость и честность (по 23%).

Ответы на данный раздел анкеты убедительно свидетельствуют об осознании жителями Тихоокеанской России культурных различий между ними и жителями Восточной Азии. Это осознание неизбежно должно порождать определённый дискомфорт в общении с представителями соседних стран. Но существует ли этот дискомфорт на практике? Опросы показывают, что он присутствует у незначительной части населения. Только 11% опрошенных в 2019 г. и 15% в 2017 г. признались, что у них возникает *чувство отторжения по отношению к китайцам* при общении с ними. Около двух третей респондентов (64% в 2017 г. и 65% в 2019 г.) этого чувства не испытывают. Остальные просто об этом не задумывались.

Близки к указанным результатам ответы респондентов на вопрос: «*Ощущаете ли Вы чувство превосходства над китайцами?*». Только 9% опрошенных в 2019 г. признались в наличии у них подобного чувства. Это почти в два раза меньше, чем дали результаты опроса 2017 г. Чуть более половины (51%; в 2017 г. было 47%) не ощущают его. 40% (в 2017 г. — 36%) не задумывались об этом. Род занятий и социальное положение респондентов какой-то заметной роли в их отношении к китайцам не играют. Есть определённые нюансы в зависимости от территорий, которые хорошо видны из табл. 6, а также от возраста респондентов (рис. 3, 4).

На большинстве территорий чувства превосходства и отторжения чётко соотносятся между собой. Исключение составляют, с одной стороны, Чита и Улан-Удэ, с другой — Пограничный и Краскино. В двух первых городах доля респондентов, которые считают себя выше китайцев, в два с лишним раза меньше числа тех, кто испытывает к ним чувство отторжения. В двух пограничных посёлках Приморского края, наоборот, считающих себя выше китайцев почти в два раза больше, чем тех, кто испытывает чувство отторжения при взаимодействии с ними. Столь же очевидно, что жители приграничных с Китаем территорий более толерантно относятся к китайцам, чем живущие далеко от китайской границы. Особенно это заметно на примере респондентов младше 30 лет.

Сравнение с результатами исследований начала XXI в. показывает заметно возросший уровень терпимости жителей Тихоокеанской России в отношении китайцев. В 2003 и 2008 гг. в существовании у них чувства превосходства над китайцами признались 29 и 28% респондентов соответственно. Чувство отторжения при общении с китайцами испытывал каждый третий опрошенный (34%) в 2003 г. и 29% в 2008 г. [11, с. 139].

Таблица 6

**Чувства превосходства и отторжения в отношении китайцев
(2017, 2019 гг., в % от числа опрошенных, по территориям)**

Территория	Чувство превосходства			Чувство отторжения		
	Ощущают	Не ощущают	Не задумывались	Ощущают	Не ощущают	Не задумывались
Улан-Удэ (2019)	5	59	35	14	56	30
Чита (2019)	6	51	43	14	64	22
Благовещенск (2019)	7	49	44	7	70	23
Хабаровск (2019)	8	55	35	7	72	21
Владивосток (2017/2019)	15/12	55/48	30/39	13/11	69/67	18/22
Биробиджан (2019)	14	37	46	13	71	16
Магадан (2017)	15	41	43	17	61	21
Сахалин (2017)	15	45	39	16	62	21
Камчатка (2017)	18	45	37	15	38	27
Дальнереченск (2019)	20	32	48	23	48	27
Пограничный, Краскино (2017)	21	53	26	12	74	14

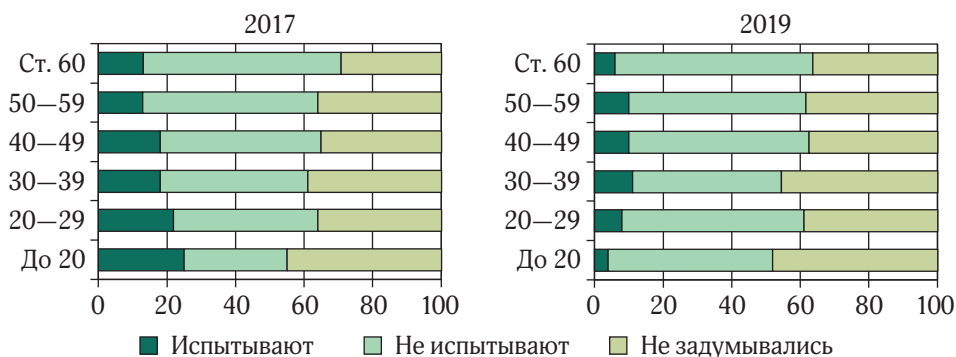

Рис. 3. Респонденты, испытывающие чувство превосходства над китайцами (по возрасту, % от числа опрошенных)

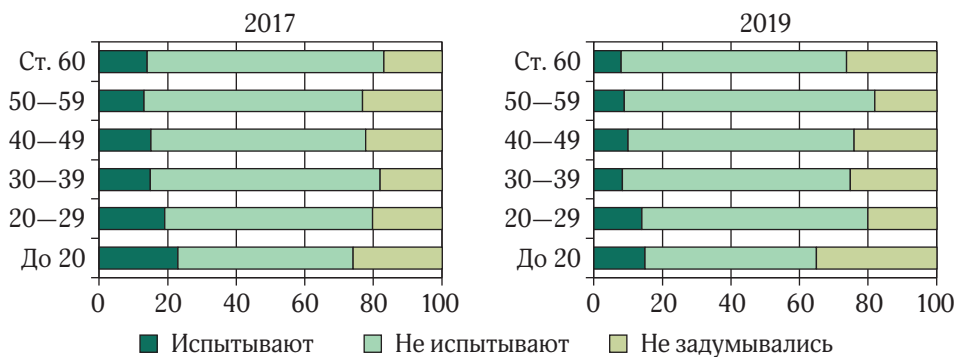

Рис. 4. Респонденты, испытывающие чувство отторжения при общении с китайцами (по возрасту, % от числа опрошенных)

Сегодня эти цифры сократились как минимум в два раза. Тем не менее, анализируя ответы на серию вопросов, посвящённых теме межкультурной коммуникации дальневосточников, можно предположить, что как минимум 10% из них априори негативно относятся к азиатским мигрантам.

Подавляющая часть респондентов (более 80% по обоим опросам), которые обнаружили в себе *чувство отторжения* по отношению к китайцам, объясняют это непривычными для них *манерами поведения* жителей Поднебесной. *Язык и внешний вид* китайцев имеют значение для каждого пятого (20%) из них. Четверть респондентов из этой группы в 2017 г. (27%) и 45% в 2019 г. признались в подсознательном неприятии жителей соседней страны. Причём какой-то заметной разницы по городам, возрастам и гендерным группам в ответах на причины неприятия и отторжения китайцев не наблюдается.

МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ БРАКИ КАК МЕРИЛО КУЛЬТУРНОЙ АДАПТИВНОСТИ

Ещё одна тема, через которую проверяется реальное отношение жителей региона к зарубежным мигрантам, — их реакция на потенциально возможный брак их родственников с представителями разных государств и культур. Ситуация в этой сфере, как и в отношении к мигрантам из стран Восточной Азии в целом, постепенно меняется в лучшую сторону. Если в 1997—2008 гг. негативно восприняли бы возможный брачный союз своих родственников с китайцами от 40 до 50% опрошенных [11, с. 145], то сегодня их почти вдвое меньше: в 2017 г. только 23%, а в 2019 г. — 27%. И китайцы не являются исключением. В 2019 г. 13% опрошенных отрицательно отнеслись бы к браку их родственников с жителями Европейского союза, 19% — США, 21% — Японии, 22% — Южной Кореи, 27% — КНР и 34% — республик Кавказа. Более половины респондентов относятся к такому событию нейтрально: по их мнению, брак — это личное дело каждого человека.

Возраст и пол респондентов практически не сказываются на их отношении к межнациональным бракам. А вот уровень образования играет определённую роль. Самыми толерантными в этом отношении оказались лица со средним, а нетерпимыми — со средним специальным образованием (табл. 7). Кроме того, очевидно, что к бракам с иностранцами, представляющими европейскую культуру, жители Тихоокеанской России относятся терпимее, чем к союзам с лицами с азиатским менталитетом.

Есть некоторые нюансы и в отношении к межнациональным бракам по городам региона (табл. 8). Нетерпимее всего к таким бракам относятся жители Хабаровска, Магадана и Сахалина, а наиболее толерантно — в Биробиджане. Только в двух городах (Хабаровске и Биробиджане) обнаружилось больше респондентов, которые отрицательно смотрят

Таблица 7

Отношение жителей Тихоокеанской России к бракам с представителями стран мира (2019 г., по уровню образования респондентов, в % от числа опрошенных)

Уровень образования	Отношение	КНР	Япония	РК	Европейские страны
Среднее	Положительно	17	17	17	23
	Отрицательно	21	15	15	10
	Разница	-4	+2	+2	+13
Среднее специальное	Положительно	8	11	10	15
	Отрицательно	31	25	27	20
	Разница	-23	-14	-17	-5
Неполное высшее	Положительно	12	23	18	34
	Отрицательно	25	16	21	10
	Разница	-13	+7	-3	+24
Высшее	Положительно	7	9	10	20
	Отрицательно	27	21	21	12
	Разница	-10	-12	-11	+8

Таблица 8

Отношение жителей Тихоокеанской России к бракам с представителями стран мира (2017, 2019 гг., по территориям, в % от числа опрошенных)

Территория	Отношение	КНР	Япония	РК	Европейские страны
Хабаровск (2019)	Положительно	8	12	11	17
	Отрицательно	33	29	30	19
	Разница	-25	-17	-19	-2
Магадан (2017)	Положительно	5	10	7	20
	Отрицательно	31	23	24	15
	Разница	-26	-13	-17	+5
Сахалин (2017)	Положительно	0	11	13	22
	Отрицательно	31	28	27	16
	Разница	-21	-17	-14	+6
Владивосток (2017)	Положительно	8	13	8	28
	Отрицательно	25	18	20	11
	Разница	-17	-5	-12	+17
Владивосток (2019)	Положительно	5	9	10	22
	Отрицательно	29	21	21	9
	Разница	-24	-12	-11	+13
Биробиджан (2019)	Положительно	11	13	11	16
	Отрицательно	29	26	26	23
	Разница	-18	-13	-15	-7

Окончание табл. 8 см. на обороте

Окончание табл. 8

Чита (2019)	Положительно	10	13	9	27
	Отрицательно	26	18	24	11
	Разница	-16	-5	-15	+16
Благовещенск (2019)	Положительно	8	10	7	19
	Отрицательно	20	19	20	16
	Разница	-12	-9	-13	+3
Камчатка (2017)	Положительно	9	15	11	26
	Отрицательно	22	19	18	12
	Разница	-13	-4	-7	+14
Улан-Удэ (2019)	Положительно	10	14	16	24
	Отрицательно	22	14	14	6
	Разница	-12	0	+2	+18

на браки с европейцами, чем тех, кто воспринимает их положительно. Во всех точках опроса хуже всего относятся к бракам с гражданами КНР, и лишь в Чите в той же степени отрицательно воспринимают российско-корейские браки.

Попытка выявить причины негативного отношения жителей региона к бракам с китайцами на основе сопоставления политических и культурологических факторов (табл. 9) позволяет предположить, что

Таблица 9

Причины негативного отношения жителей Тихоокеанской России к бракам с гражданами КНР (2017, 2019 гг., по территориям, в % от числа опрошенных)

Территория	Против браков с гражданами КНР	Ощущают чувство отторжения по отношению к китайцам	Ощущают чувство превосходства над китайцами	Верят в «демографическую экспансию» Китая	Считают угрозой «рост экономической и военной мощи КНР»
Благовещенск (2019)	20	7	7	21	14
Улан-Удэ (2019)	22	14	5	13	24
Камчатка (2017)	22	15	18	26	14
Владивосток (2017/2019)	25/29	13/11	15/12	14/13	23/25
Чита (2019)	26	14	6	15	27
Пограничный, Краскино (2017)	26	12	21	12	12
Биробиджан (2019)	29	13	14	9	24
Магадан (2017)	31	17	15	25	15
Сахалин (2017)	31	16	15	14	12
Хабаровск (2019)	33	7	8	17	18
Дальнереченск (2019)	39	23	20	11	11

такое восприятие, скорее, обусловлено определёнными страхами перед Китаем, чем какими-то националистическими чувствами и предрассудками. Хотя эти предрассудки, безусловно, присущи определённой части населения (от 7 до 20% населения по территориям).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Наше исследование, проведённое по материалам двух опросов 2017 и 2019 гг., позволяет сделать несколько важных выводов.

Во-первых, зарубежная миграция, отождествляемая дальневосточниками прежде всего с Китаем, и, соответственно, присутствие мигрантов из Восточной Азии на восточной окраине России сегодня не воспринимаются как серьёзная геополитическая угроза. У региона есть более насущные и острые проблемы, которые если и не снимают эту опасность с повестки дня, то отодвигают её на второй и даже третий план. Большее опасение вызывает потенциальный социально-экономический эффект от присутствия иностранных мигрантов, поэтому треть населения региона негативно относится к пребыванию в нём китайских рабочих, предпринимателей и торговцев.

Во-вторых, восточные районы страны уже стали единственной в России территорией постоянных, массовых и тесных кросс-культурных контактов граждан России с восточноазиатскими народами. Межличностное общение и неформальные информационные сети (интернет) сегодня служат основой для изменения представлений жителей региона о своих соседях, ломая шаблоны, стереотипы и строя пока ещё зыбкие, но реальные мостки дружбы и взаимопонимания между представителями разных культур и мировоззрений. Именно поэтому жители приграничных территорий, чьи связи и контакты с Китаем постоянны, обширны и многообразны, демонстрируют большую степень терпимости в отношении своих соседей, чем обитатели далёких от границы городов.

В-третьих, продолжающийся отток русских и рост среднеазиатской компоненты в населении Тихоокеанской России параллельно с нехваткой квалифицированной рабочей силы для решения задач экономического развития региона неизбежно реанимирует вопрос о привлечении трудовых ресурсов из Восточной Азии. Это уже будут не те ресурсы, которые так сильно испугали россиян в начале 1990-х гг., и будут привлекаться они на принципиально иных условиях. Демографическую проблему Тихоокеанской России без этого не решить, но под эти решения должны быть сформулированы принципиально новые идеологические, социально-политические и экономические принципы, условия и форматы. Так что тема зарубежной миграции на востоке России ещё долго будет будоражить умы и чувства политиков, учёных и обывателей как данного региона, так и страны в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гельбрас В.Г. Китайская реальность России. М.: Муравей, 2001. 320 с.
2. Гельбрас В.Г. Россия в условиях глобальной китайской миграции. М.: Муравей, 2004. 203 с.
3. Друзяка А.В. Современная проблема китайской иммиграции — как к ней относиться? // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества: материалы междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. Д.В. Буяров, Д.В. Кузнецов. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2017. Вып. 7. С. 272—277.
4. Дятлов В.И. Современные торговые меньшинства: фактор стабильности или конфликта? (Китайцы и кавказцы в Иркутске). М.: Наталис, 2000. 190 с.
5. Изотов Д.А., Мотрич Е.Л. Демографические вызовы для экономики КНР // Россия и АТР. 2014. № 3. С. 61—83.
6. Комиссарова Н. Туристическая магистраль // Дальневосточный капитал. 2019. Май. URL: https://dvkapital.ru/dkproject/primorskij-kraj_21.05.2019_14527_turisticheskaja-magistral.html (дата обращения: 02.09.2019).
7. Ларин А.Г. Китайские мигранты в России. История и современность. М.: Вост. кн., 2009. 512 с.
8. Ларин А.Г. Российско-китайские отношения и китайские мигранты в оценке россиян // Проблемы Дальнего Востока. 2008. № 5. С. 111—123.
9. Ларин В.Л., Ларина Л.Л. Китай в общественном мнении жителей Тихоокеанской России (по итогам опроса 2017 г.) // Россия и АТР. 2018. № 2. С. 5—33.
10. Ларин В.Л., Ларина Л.Л., Томашук С.М. «Малая Восточная Азия в Тихоокеанской России»: отношение жителей Владивостока, Хабаровска и Южно-Сахалинска к мигрантам из Восточной Азии // Труды Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. 2018. Т. 18: Востоковедение. Международные отношения. С. 111—121.
11. Ларин В.Л., Ларина Л.Л. Окружающий мир глазами дальневосточников: эволюция взглядов и представлений на рубеже XX—XXI веков. Владивосток: Дальнаука, 2011. 325 с.
12. Мищук С.Н. Роль китайских трудовых мигрантов в социально-экономическом развитии южных регионов Дальнего Востока России // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества: материалы междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. Д.В. Буяров, Д.В. Кузнецов. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2016. Вып. 6. С. 271—274.
13. Понкратова Л.А., Забияко А.П., Кобызов Р.А. Русские и китайцы: этномиграционные процессы на Дальнем Востоке / под ред. А.П. Забияко. Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2009. 412 с.
14. Представления россиян о китайцах и китайской культуре. URL: <https://fom.ru/Mir/14071> (дата обращения: 02.09.2019).
15. Сведения о количестве жителей Приморского края, выехавших за границу за 2016 год в сравнении с 2015 годом. URL: <http://www.primorsky.ru/authorities/executive-agencies/departments/tourism-pk/plany-i-otchetny-departamenta.php> (дата обращения: 02.09.2019).
16. Alexseev M. Chinese Migration in the Russian Far East: Security Threats and Incentives for Cooperation in Primorsky Krai // Russia's Far East. Seattle; London, 2002. P. 319—347.
17. Alexseev M. Socioeconomic and Security Implications of Chinese Migration in the Russian Far East // Post-Soviet Geography and Economics. 2001. Vol. 42. P. 95—111.
18. Larin V., Rubtsova A. At the Crossroads: Russian-Chinese Border Interactions // Caught in the Middle. Border Communities in an Era of Globalization. Washington, 2001. P. 228—259.